

ПРОЛОГ

Я был создан на годы,
Но очень мало изменился.
Я — орудие правительства, а также индустрии.
Мое назначение — помыкать и управлять тобой.

Фрэнк Заппа

ОН двигался как дурная весть, опережающая эпидемию средневековой чумы, но это всего лишь грубая аналогия. Чума распространялась со скоростью ветра или больного зверя; ЕГО же скорость была ограничена только целесообразностью. Иногда ЕГО воздействие проявлялось в виде неизвестной ранее болезни с летальным исходом — быстрым и неизбежным. При этом ЕГО хозяин наделял взамен земной жизни иной жизнью — практически вечной. И одаривал, соответственно, вечной благодатью.

Хозяин создал виртуальную Колонию, что-то вроде информационного заповедника вида *homo sapiens*. А ОН был посредником. Фактически ОН предлагал спасение — прямо сейчас и без всяких усилий. Трудно поверить, сколько у НЕГО было потенциальных клиентов.

ОН считывал информацию на генетическом уровне, воплощаясь в матрицы. Только один из двойников обладал жизнеспособностью; другой терял ее автоматически. От НЕГО не существовало лекарств. Возможно, некоторые обладали иммунитетом, однако тот, кто создал ЕГО, пока не слышал о таких счастливицах.

У НЕГО не было папочки и мамочки, зато он мог иметь копии: одну, две... да хоть миллион. Но вряд ли они появлялись одновременно — это привело бы к перерасходу драгоценной энергии. Среди всех словечек, обозначающих различные способы размножения, наиболее подходящим к ЕГО случаю было слово «партеногенез», хотя и оно не исчерпывало сути дела. ОН не интересовался собственным прошлым, а прошлым всех остальных — лишь в той степени, в какой оно определяло настоящее и будущее. Это помогало выслеживать избранных.

ЕМУ было всего трое суток от роду, и ОН еще не имел формы. То, какой облик ОН примет, зависело не от НЕГО. ОН пребывал в ожидании матриц. Пока же всякий, случайно оказавшийся на ЕГО пути (но не намеченная жертва!), не мог определить причину иррациональных явлений. ЕГО приближение ощущали собаки и грудные дети. Спящему ОН мог представиться чем-то вроде ночного кошмара за мгновение до окончательной кристаллизации. Помните, как узнаешь об этом? Невероятным образом сгущается воздух; появляется обморочная липкость сна; возникает арктический холод в кишках... И никто (даже ОН сам) не понимал, почему именно кошмары предшествуют «переселению», — ведь Колония была аналогом Эдема, в который все подсознательно стремятся вернуться. И если результат одинаков, то кто заметит подделку? Можно ли это вообще назвать подделкой? ЕГО хозяин предоставлял матрицам все, что было на Земле несовершенным, незавершенным и просто недостижимым. Каждый находил то, что искал.

Ни одно благо не было привнесено извне. Цивилизация сама открыла массовый искусственный путь взамен индивидуального естественного — гораздо более долгого и трудного. Возможно, это было предусмотрено ее эволюцией. И значит, зародился «прекрасный новый мир» — реализованная суррогатная утопия нового и всех последующих поколений.

Религиозные фанатики считали ЕГО падшим ангелом, что было, конечно, очень далеко от истины. Люди, к несчастью

лишившиеся слепой веры, употребляли жаргонные термины «глюк», «кино», «тени» и были по-своему правы — тот случай, когда любая истина относительна. Возможно, ОН был глюком-охотником. ОН не знал имени своего прототипа; ОН даже не подозревал о том, что когда-то существовал прототип. ОН справедливо считал себя порождением Темного Ангела и был самым совершенным из его созданий, сверхточным инструментом, любимым детищем, последней надеждой, ибо время его заканчивалось.

В разных местах Ангела называли по-разному: Демон, Дух Бездны, «Абракасас-2», Орбитальный Контроль, Гребаный Мозгокрут... Но всего лишь шесть часов тому назад, наткнувшись на одинокого дервиша-револьверщика в бетонной пещере на Перевале Странников, охотник получил от него запретное имя Ангела.

Справиться с дервишем было непросто, однако это случилось — прежде чем револьверщик погрузился в Седьмое состояние и сделался неуязвимым. А имя оказалось сложным и нелепым; возможно, дело было в специфических вибрациях. Дервиш, покинувший к тому времени свой «тайный сад», не очень разборчиво выговорил:

— Стационарный Спутник...

ГЛАВА 1

Ты можешь выписаться в любой момент,
Но ты никогда не сможешь уехать отсюда.

Группа «Иглз»

Это было в дни поздней дождливой весны. Снег недавно сошел; природа обильно менструировала. Приближался «опасный» период, гнусный месяц апрель, но неоткуда было взяться чистому семени. Деревья тянулись к небу и пили яд земли. Отравленные реки текли на юг, унося смытый паводком плодородный слой в глубокую яму моря. Солнце показывалось редко; о том, что оно есть, напоминала лишь неуклонно возрастающая температура. Кое-где в воздухе уже пахло гнилью. По ночам небо иногда очищалось — словно кто-то протирал тряпкой запотевшее стекло, — и можно было видеть тусклые звезды и диск луны, надкушенный тьмой. Аппетит тьмы менялся от ночи к ночи. И только ритм космического вальса, в котором кружились небесные тела, оставался неизменным.

Возрождение неизбежно наступало каждый год. Начиная очередной цикл воспроизводства. Весну сменит засушливое лето, затем будут ветреная осень, стеклянная зима... Все равно неистребимая жизнь торжествовала, приспособливаясь даже к самым суровым условиям. И конечно, луч надежды никогда не гас. Он означал запасной выход даже для самых заблудших душ.

* * *

Влажный ветер раскачивал дорожный указатель и заунывно гудел в сплетении неоновых ламп. Ни одна из них не светилась. Гнутые трубки составляли надпись «Мотель “Лесная поляна”». Тоскливая музыка этой чертовой эоловой арфы была слышна почти всегда. Она вовсе не мешала Равилю Бортнику спать.

Она мешала ему бодрствовать.

Во сне он не слышал ничего, кроме ласкового шепота химер, порожденных его подсознанием, но крепко заснуть и как следует отоспаться ему удавалось редко.

Название мотеля было чисто условным. Больше десяти лет назад лес вырубил в радиусе полукилометра от заправочной станции и даже выкорчевали пни. Теперь каждую весну Бортник поливал бензином и сжигал молодую поросль, чтобы никто не мог подобраться незамеченным. Вокруг заброшенных коттеджей, стоявших плотной группой, образовалось пятно выжженной земли. Последнюю такую операцию Равиль провернул пару дней назад, и до сих пор в воздухе пахло гарью. Бортник считал, что заведение давно пора переименовать в «Черную плешь». Впрочем, плевал он на то, как это место называется, — он был всего лишь наемником с кабальным контрактом.

Когда стемнело, Равиль выпустил из вольера волкодавов и заперся в своем коттедже с полустершейся табличкой «Администрация». Кружочек буквы «р» как раз совпадал со старым пулевым отверстием. Система охраны давно вышла из строя. В мотеле не было ни одного постояльца. И вряд ли кто-нибудь появится в ближайшие сутки. Мертвый сезон.

На стоянке — пусто, если не считать вдребезги разбитой «самары». Позавчера ее притащил тягач, регулярно расчищавший трассу. Собственная «газель» Бортника с полным баком и заряженным аккумулятором стояла в подземном гараже. Он тщательно следил за исправностью двигателя. Равиль боялся того, что может произойти с плохо вооруженным и не очень быстрым человеком в пустынном месте, расположенном в ста километрах от города. А это могло произойти — в любой день, в любую ночь.

Например, сегодня.

* * *

Он был совершенно один. Его вахта заканчивалась через неделю. Но это в лучшем случае — если найдется идиот, который окажется в столь отчаянном положении, что захочет его сместить. В худшем случае пребывание Равиля в мотеле затянется на неопределенный срок.

Уже три месяца он не притрагивался к бабам. Его раздражение накапливалось, как осадок в стеклянном стакане. И стакан постепенно терял прозрачность... Бортника раздражало многое, но больше всего его раздражал (просто бесил!) скользкий хмырек, которому принадлежал мотель и, значит, сам Равиль со всеми потрохами. Хмырек отсиживался в городе, пряча свою толстую ухоженную задницу под защитой Блокады, в то время как Бортник ежедневно рисковал жизнью на этом вонючем отшибе.

С другой стороны — а что было делать? Найти работу становилось все труднее; в городе — почти невозможно. Наниматься батраком на ферму или в помещичий замок — увольте. Он знал, что это такое. И чем это заканчивается...

Мотель не приносил ни гроша; какой-то мизер удавалось выжать из заправки и станции техобслуживания. Таким образом, Бортник совмещал функции администратора, заправщика, механика и сторожа. Многовато на первый взгляд — и совсем мало, если учесть интенсивность движения. Бортник не поленился и подсчитал: в среднем мимо проезжала одна долбаная тачка в сутки. Лучшими днями были те, когда по трассе шли правительственные караваны. С конвоем и вспомогательными трейлерами набиралось до двух десятков машин. Иногда даже удавалось заполнить всю компанию на ночлег. В такие ночи Равиль мог расслабиться. Но это случалось крайне редко — караванщики предпочитали не рисковать...

Никакой надежды. Ветер постанывал, гуляя среди закопченных неоновых ламп. Бортник решил, что надо сорвать вывеску к чертовой матери и он займется этим очень скоро, если погода не переменится. Хмырю хозяину придется его извинить. «Вычтешь из моей зарплаты, толстозадый», — подумал Равиль с не-